Уж за полночь. Мороз все крепнет и крепнет и, перевалив за 40°, чем-то тяжелым давит грудь, которой как-будто не хватает воздуха. Массы звезд на темном своде небесном льют на тракт и на облегшую его тайгу слабый свет; он, отражаясь от белого снега, толстым слоем укрывшего землю и повисшего тяжелыми кусками на ветвях деревьев, образует не то "светлую тьму", не то тусклые сумерки. Глядишь стоя,— и все погружено во мрак; нагнешься — предметы получают определенные и ясные очертания. В тайге все тихо; только изредка не выдержавшая тяжести снега ветка сломится и пронесется сухой, короткий треск. Вот на повороте тракта со стороны деревни показывается кошева, запряженная одной, но доброй лошадью. В широкой и глубокой кошеве сидят три фигуры, закутавшись, насколько это видно, в хорошие бараньи дохи. На дуге нет колокольчиков; конь идет шагом... все это — не добрый знак! Кто, как не "они" решатся втроем тащиться на одной лошади по длинному перегону и ночью выезжать из селения? Это специалисты по части срезывания мест — чая, товара,— что попадется; они выехали на работу.

Кошева проехала с четверть версты и вдруг свернула с тракта в тайгу; через 30-40 сажен она остановилась за купой молодого сосняка и все трое вылезли из неё и пошли обратно на тракт.

— Какой обоз? — спросил один шепотом.

— Телятниковский.

— Мужик не дурак! Однако не даст.

— Потребуем! Вчерась у него-ж тальковские добыли. Цсс...

Вдали послышалось слабое звяканье бубенчиков и тот ритмически правильный звук, какой идет от мерного хода обозных лошадей.

— Однако коней шестьдесят будет.

— Не знаю! Ложись.

Все быстро скинули дохи: с ног до головы они были закутаны в простыни и казались на темном фоне черной тайги привидениями в саванах. Белые костюмы составляют обычный стратегический прием у трактовых "охотников за местами": одно — они не так выделяются на белом фоне и потому безопаснее подходить к обозу, другое — при преследовании они падают в снег, смешиваются с ним по цвету, и тогда найти их без огня очень трудно; да ямщики долго и не ищут, зная по опыту всю тщету и даже опасность этих поисков.

"Охотники" припали к земле близ самой дороги, и взор напрасно искал бы их в снежном покрове тракта.

Звуки идущего обоза становились все слышнее; вот уж завиделась "голова" — передние сани, на передке которых, в виде обозного знамени возвышался шест с крашеной всеми цветами четырехугольной рамкой, увешанный лентами, колокольчиками и бубенчиками; рядом с ним — как-будто кнут: на рукоятке в аршин длины прикреплена цепочка вершков в 8 с железным шаром, с шипами на конце. Это было страшное оружие, которым запасаются почти все обозные ямщики в дороге. Горе тому, кто попадется под удар его! Им можно, кажется, перебить железный рельс.

Возле шеста с рамой, свернувшись в клубок, спит или притворяется спящим, обозный староста; но возле его головы торчит что-то; это ствол берданки, которую он держит в руках. За первыми санями несколько пустых; потом опять ямщики и тоже спят по-видимому; еще тоже неподвижная фигура. Позднее время, видимо, взяло свое и сон сомкнул глаза.

Мерной и ровной "ступью" идут привычные лошади; некоторые на ходу едят овес из нарочито приспособленных к передним саням сум; другие двигаются, понурив голову, но каждый конь, привязанный к передним саням, непременно ступит там, где ступил предыдущий и потому движение обоза совершается точно машиной.

Вот уже середина обоза: целый ряд никем не стерегомых саней. Самый удобный момент — подбежать, обрезать привязи, вывести сани из линии, завернуть в тайгу, а там уж легко будет переложить в свою кошеву, а ямщичью лошадь бросить на произвол судьбы. На что она? Только хлопоты!

Со снега безшумно встали три фигуры. Быстро и ловко они очутились на санях; в миг-два срезали обе привязи, а третий уже сводил в сторону лошадь. Но ямщики не спали, а притворились спящими; они сами в свою очередь устроили засаду, так как это место тракта издавна слыло опасным.

Не успел "охотник" и двух шагов сделать в сторону, как вдруг пронесся свист еще, еще и десяток темных фигур спрыгнули с саней и бегом кинулись к центру обоза, где шла "срезка". Два резавшие привязи уже при первом свисте сообразили в чем дело и быстрым бегом кинувшись к тайге, попадали в снег и сделались невидимыми. Третий не был так счастлив: кто-то догоняя зацепил его кистенем по голове и сорвал белый убор, так что, когда он упал, то в снегу ясно виднелось черное пятно его головы.

Ямщики кинулись на эту примету и скоро две пары дюжих рук тащили "охотника" к обозу, который уже не двигался и куда собрались все остальные. Впереди других стоял сам староста с берданкой в руках.

— Велишь искать и тех, Илья Ильич? — спросили его в группе.

— Нет! долго будет! да и сыщешь ли еще! На этом науку покажем, да и конец!

— Что же? раздеть да в тайге и привязать, как в лонись? [1]

— Нет! не идет! товарищи выручат, да и много времени-то! А нам в Мытенском к свету надо быть.

— Ты кто будешь? — спросил староста, обращаясь к пойманному.

Тот не издал ни звука.

— Почто молчать? Все ведь одно, паря.

Кто-то чиркнул спичкой и поднес ее к лицу "срезывателя". Мертвенно-бледное лицо его, обрамленное небольшой с проседью бородкой, точно застыло и не шевелило ни одним мускулом; только глаза, с выражением ужаса, но вместе с тем покорности судьбе, медленно провели взглядом по всей группе и остановились на старосте.

Спичка погасла и все погрузилось в темноту.

— Эх, кум Никола! Какой тебя пес на это дело понес! — недовольно, но и с сожалением в голосе воскликнул один из ямщиков.— Точно вам жрать нечего! Эх!

— Не губи, Телятников! — наконец заговорил глухим голосом пойманный,— бери выкуп сколь хочешь.

Телятников молча приставил ему к сердцу ствол берданки. Точно электрический ток пробежал по телу того. Он вздрогнул, зашатался и рванулся из рук держащих его ямщиков.

— Держите его покрепче, ребята! Чтоб не вертелся.

Сухим звуком прозвучал выстрел и серебристой трелью повторило это эхо, унося в тайгу. "Срезыватель" вскрикнул, откинулся назад, конвульсивно рванулся от ямщиков, схватился руками за грудь, затоптался на месте, потом, точно ища равновесия, расставил руки и медленно упал на левый бок. Где-то у него клокотала кровь,— в горле ли, или струясь из раны,— трудно было сказать, только видно было на снегу, как правая нога быстро сгибалась в колене, как-будто тело что-то отпихивало от себя.

Прошла минута полной тишины. Староста снял шапку и перекрестился, за ним перекрестились и остальные.

— Ну, ребята! Волоки его в тайгу, да забросайте снегом, чтобы не видно было. До весны долежит, а там найдут, не найдут — нам все одно.

Приказание было тотчас исполнено; тело поволокли, взяв под мышки, притащили под сосну, сажен 10 от дороги и там забросали снегом. Только осталось широкое кровяное пятно на снегу, где лежал труп, но и его уничтожил староста, затоптав ногой и тоже забросав снегом.

Минут через 10 обоз снова двинулся в дорогу. Ямщики шли гурьбой возле саней, курили трубки и молчали. Они все думали, что ими исполнен долг, что то, что случилось, совершенно в порядке вещей, но все-таки им было не по себе.

— Эх, кум Николай! Пропал человек!! — воскликнул тот же голос.

— Ну, ну, помалкивай-ка! — заметил подошедший староста.— Почто дурака ломаешь-то?

Скоро тайга отошла далеко в сторону; с горы пошел долгий спуск и в конце его светился огонек: то начиналась деревня и в крайней избе ждали хозяина, уехавшего с компанией в тайгу "на срезку".

А. Асинъ